

РЕПОРТАЖ

Пули, как мёртвые птицы,
сабли, как светлые реки,
планы, как длинные спицы,
ястребы, как человеки,
думы, как голые ноги,
ягоды падают в море,
смерть, как трава на дороге,
белые скатерти в морге.
Деньги, как белые спины,
вина, как бёдра и плечи,

груди, как талые льдины,
а остальное далече.
Слёзы, как белые камни,
камень, как памятник хлебу,
фильмы увозятся в Канны,
души уносятся к небу.

1968

* * *

...Не затем, чтобы войлок хитонов
Загорался в горячих песках?
Чтоб у вахтенных в мире титанов
Волдырилось на главных перстах?
Шимпанзе чтоб в задумчивость впали,
И без всадников кони — в бои,
Чтобы ласточки вылились в пули
И крушили гнездовья свои?
Не затем, чтобы пыльные руки
Обхватили мне плечи, дрожа,
Чтоб рванулись кровавые звуки,
Как пожарники из гаража?
Не затем? А зачем мимо окон
Кто-то ночью поспешно прошёл?
Дорогая, дай спрячу твой локон —
Что-то слишком давно хорошо.

1968

ЦВЕТНОЙ ШИРОКОЭКРАННЫЙ

За слонами и лианами
среди голодных чёрных рыл
два бочонка с бриллиантами
царь в отчаяньи зарыл.
И уже в ином отчаяньи

за неслыханным добром
от Америки отчалили
три испанца впятером.
Не без удали поцапались
с нашим господом они
и объели до конца почти
пистолетные ремни.
И как с мухамисфалангами
змей хватали из травы,
и стонали вокруг лагеря
умирающие львы.
И предсмертно лихорадило,
и в бреду являлась мать,
и хотелось вспомнить родину,
да откуда её взять.
И гадали: двести, триста ли
или больше во сто крат,
и оценивали пристально
каждый мысленный карат...

Ко святым столбам привязана
их измученная честь.
Колдуны шипят над вазами:
всех изжарить и поесть.
Барабаны, плясы чёртовы,
и глаза твои светлы,
и над Африкою чёрною
на треножниках котлы.

1968

СЧАСТЬЕ

Молча судно обходит остров.
Это связано с мрачной, прекрасною тайной.
Неуместен и глуп голос чайки.
Волна впервые скалу толкнула
так странно.

Так же мой эротический вздох
неожиданн.

Кружит судно, пьяна команда.
На палубе пусто, как на крыше.

Мы сошлись или нет —
я не знаю.
Не помню,
какое назвала ты имя.

Декабрь 1969

ССЕЕГТОООДДННЯЯ

Вчера на земле было семь человек невидимок.

Это верно, не спорю.
Но сегодня один из них умер.

Эзидельдика — самый серьёзный.

В эту ночь мимо нашего дома
плыл невидимый гроб
и стояла
музыка без осадков.

И отчётливо спрятанный голос
указал мне пустую дорогу
по которой, не оставляя следов,
плыли сани.

А потом кто-то шёл нам навстречу
из окраины в город,
покупать пиво и сигареты.

Я смутился, поправил пижаму.

Эзидельдика унёс все мои слёзы,
и гроб его был невидим как утро.

Декабрь 1969

КТО УБИЛ ДЕДА ВАСЮ

В белом тельце моём
мы сидим и поём,
мы сидим водноём,
то пищим, то ревём.
Под нагим животом
потеплел чернозём,
мы лежим и плывём...
А за речкою дом.
Там — у стенки — беда.
Мужня кровь не вода.
Лесничиха седа;
Правда, слёз ни следа.
В алом небе гряда
К старику на свида...
Не прощусь никогда,
Что стрелял не туда.
Испаряется пот,
В тельце белом поёт
И шевелится рот;
Может, ужас пройдёт,
И забудусь вот-вот
В знойном царствии нот;
Ну а полночь сойдёт —
Уж никто не найдёт.

Чуть в сторону
И дальше
И опять
По травам
И к тропе,
А там дорога,
К обочине
На камень не ступать,
По стылой зыби
И
Коснувшись Бога —
На грунт,
И дуб в усталости обнять
И среди высоких древ
По днищу леса, —
Во взгляд озёр.
И,
Раздвигая лето,
Чуть в сторону,
И дальше,
И опять.....

1969

РЕМЕСЛО

Уйду из-за стола,
Когда неспешный официант
Поставит долгожданный деликатес.
Потуплю взор в тот самый миг,
Когда бы уж наконец прочесть
В глазах любимой
Благосклонность.
В миг счастья
Подерусь со старым другом.

Порву однажды рукопись,
Когда уж внесена
Последняя, надрывная поправка.
Так в этой жизни
Повелевает поступать
Моё мне ремесло.

* * *

Я ленивый студент и гороховый шут,
но когда-то меня под венец поведут;
и во всякую ночь: в тишину и в метель
буду с милой моей я ложиться в постель.

Как я буду обласкан, как весел и сыт;
я позволю себе всё, что бог повелит...

Но пока я стою на другом берегу,
и чужая жена отдыхает в стогу.

1970

* * *

— Да, — отвечали ветки, —
Да, — отвечали ветки, —
Парень, мы тоже в клетке,
Парень, мы тоже в клетке.
Ветка к стволу прилита.
Ствол заползает в землю.
Кровью земной налитый,
Корень в потёмках дремлет.
Корень не видел неба,
Птичьего счастья не слышал,
Листва умирала на крыше.
А корень при этом не был.
Летели бы ветки в небо —

Их души мучительно ноют,
Но корень их кормит и поит,
А кто им заменит это?..

1968

ДИКИЕ ГОЛУБИ

призы кровавой лотереи,
отрава северных людей, —
голубоглазые евреи —
порода диких голубей, —

не крутонравные семиты,
собой поправшие пески, —
у тех чернилами налиты
возлезрачковые кружки, —

нет, здесь не торжество, не двойня, —
те — отдалённая семья:
и человеко-скотобойня
у них своя, и речь своя.

тебя магнитит к их гнездовью,
мой любознательный плебей,
но не пронять ничьей любовью
породу диких голубей.

тому, кто алкоголь проклятья
всё пил и выпил до конца,
враждебны братские объятья,
противны свежие сердца.

пусть хнычут римляне и турки
над памятью шальных побед,
пусть заплюют свои окурки
рабы в краях, где рабства нет;

но нет ни рабства, ни свободы,
и выбор суетный смешон
для некой сумрачной породы.
есть гон и лёт, и лёт и гон.

1970

МОЙ ДЕТСКИЙ РИСУНОК

Голубые ночи, матовые дни.
Ангелы хохочут, ведьмы жгут огни.
Корабли повисли в жаркой синеве.
Стоящие мысли мечутся в траве.

С целью их поимки на высокий брег
вышли невидимки, тихие как снег.
Хорошо их знаю, нежно их люблю:
завтра умираю, нынче — просто сплю.

1970

ОТКАЗ

Я смиряюсь.
Не станет твой дом моей церковью,
не станет.
Ты не дочь казнённого короля —
я ошибся.
Только зря целовал я твои руки,
Зря назвал своё настоящее имя.

Разве можешь понять,
отчего я сижу за столом и плачу?..

(Нет на земле Аполлинера,
а у тебя такие атласные груди).

1970

СОЛНЕЧНАЯ БУРЯ

Всё вспыхнуло. Взбесившееся солнце
ударило в октябрьский барабан,
и всех своих старух увидел мир,
на деревянных лавках ждущих сонно
известий дивных из заморских стран.

Я становился светом. Я оделся
шаманом и в бреду затанцевал,
я был хитёр и грустен, как Одесса,
и добр, как конь, сражённый наповал.

Беснуясь, я не знал, куда мне деться,
закрыв глаза, забыл родной язык.
Солёный, раскалённый запах детства
вошёл в меня внезапно, словно крик.

И понял я, как весь ему я предан,
как властно он в душе моей притих,
и понял я, что ни одну не предал
из праведных наивностей моих.

О сладкий дух, смиренный дух окраин...
Навеки, память солнечной поры,
свинцом печали я к тебе припаян,
хотя во многом вышел из игры...

Старухи спят на лавках деревянных,
над крышами стихает барабан,
и, как усатых, подбирают пьяных
и бережно разносят по домам.

* * *

Далёкая тайная плаха,
По-тихому спрятанный прах —
Кровавые правила страха
Нас бережно держат в руках.

Минуя серьёзное слово,
Виляя, тянусь как лоза.
Полаю на звёзды и снова
Тяжёлые прячу глаза.

О площадь! Высокая плаха!
О старые правила страха!

1972